

EDN: SAGODS
УДК 114; 130.3

The Search for Russian Truth

Andrei M. Sergeev*

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 22.07.2025, received in revised form 04.08.2025, accepted 18.08.2025

Abstract. In Russian culture, much is based on silence and the acceptance of the unspoken as the primary, which determines everything. One of the most significant aspects is the Russian true, which differs from truth, justice, and law. The search for truth becomes a metaphysical marker that subtly influences every individual's and society's choices.

This article aims to explore the philosophical aspects of the search for the Russian truth. There are significant moments in the understanding of this topic by F. M. Dostoevsky, P. A. Florensky, V. V. Rozanov, and others. V. V. Bibikhin's concept of understanding Russian truth is particularly important.

An important aspect is the difference in the perception of truth by an individual and a person who views their life through the lens of their family and the integrity of their people. Another significant aspect of understanding truth is the connection between the metric and the topological dimensions, which reveals both their relationship and their contrast in the perception of truth by the Russian people and the Russians.

The persistence of contradictions in the understanding of truth can be seen as a consequence of reducing the metaphysical and ontological dimensions of life to individual life scenarios and conditions. The phenomenon of truth reveals its significance primarily in the realization of human and national life. This has particular importance for understanding the foundations of Russian life, history, and culture.

This article may be of interest to cultural philosophers, cultural studies scholars, and anthropologists.

Keywords: true, truth, genus, people, meaning, boundary, relationship, metric, topic, metaphysics.

“The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.”

Research area: Theory and History of Culture, Art. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture.

Citation: Sergeev A. M. The Search for Russian Truth. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1748–1756. EDN: SAGODS

Поиски русской правды

А.М. Сергеев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В русской культуре многое строится на умолчании и на принятии умалчиваемого в качестве основного, то есть того, что предопределяет собой всё. Одной из наиболее значимых линий является русская правда, отличающаяся от истины, справедливости и закона. Сам поиск правды становится метафизическим маркером, подспудно оказывающим воздействие на любой выбор человека и народа.

В статье предпринимается попытка вычленения философских аспектов в теме поиска русской правды. Выделяются значимые моменты понимания данной темы Ф.М. Достоевским, П.А. Флоренским, В.В. Розановым и некоторыми другими. Особое значение имеет концепция понимания русской правды В.В. Библихина.

Важным моментом является отличие восприятия правды индивидом и человеком, воспринимающим свою жизнь в оптике своего рода и целостности народа. Другим значимым моментом понимания правды является сопряжение метрического и топического измерений, когда выясняется и их связь, и их противопоставление в восприятии правды русским человеком и русским народом.

Неустранимость противоречивости в осознании правды может рассматриваться как следствие приведения метафизического и онтологического измерений жизни к отдельным жизненным сценариям и индивидуальным условиям существования. Феномен правды раскрывает своё значение в первую очередь в осуществлении жизни человека и народа. И это имеет особенное значение для понимания оснований русской жизни, истории и культуры.

Статья может быть интересна философам культуры, культурологам и антропологам.

Ключевые слова: правда, истина, род, народ, смысл, граница, отношение, метрика, топика, метафизика.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского».

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Сергеев А.М. Поиски русской правды. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1748–1756. EDN: SAGODS

Жизнь человека проверяется его ответом правде жизни, что прямо связано с откликом метафизической полноте жизни, которая не убывает и не прибывает. В этом человек отвечает не тому или иному времени, а тому, насколько он может выдержать смысловую координату жизни и может ли он это сделать

в принципе. В некоторый момент своей жизни человек непременно соотносит её с истинностью или неистинностью и стремится согласовывать отдельные истины разных этапов своей жизни.

Давно замечено, что между истиной и самим человеком всегда стоит он сам и его

«я», которое побуждает ещё и ещё раз «доделывать» и «дописывать», казалось бы, уже понятное. Так, по мысли П. Я. Чаадаева, «что бы я ни делал, между истиной и мной становится что-то: это что-то — я сам; истину заслоняю я себе сам» (Chaadaev, 1991: 466–467). О дистанции между описанием человека, характеризующим определённое положение дел, и самим описываемым положением дел говорят не только русские мыслители. Так, Г. Бейтсон отмечает, что «никакое описание не является истиной, однако, с другой стороны, возможно, вечно истинно то, что между описанием и описываемой вещью неизбежно есть некоторая дистанция» (Bateson and Bateson, 2019: 258). Человек сталкивается с тем, что «схватить» и «удержать» истину ему не удаётся. Между человеком и истиной всегда сохраняется — меньшая или большая — дистанция. Более того, попытка нахождения единства с собой побуждает человека к такому пониманию истинности, которое превышает любое — отдельное и локальное — понимание истины, и такое понимание истины соотносится уже с правдой.

Заметим и другое. Согласно П. А. Флоренскому, в ситуации связи себя с истиной для отдельного человека «важно не то, что нечто — истина, а то, что оно — моя истина». Но «если ударение поставлено на моя, то дальше неизбежно стремление выдавать всякую истину за свою». «Совсем наоборот бывает при сосредоточении внимания на правде», ведь «если ударение поставлено на ней, то делается малоинтересно, чья это правда», и «чувство собственности в отношении к правде замолкает» (Florensky, 1996: 339). Таким образом, истина связывается познающим субъектом с собой, тогда как правда принципиально соотносится человеком не только с собой и не столько с собой. Человек приходит к истине, но прийти он может только к тому, что уже есть, и тогда всё, связанное с действиями по организации и обустройству открытости — посредством выстраивания её различных лимитов, — непременно отодвигается в сторону. В отношении к правде человек оказывается принципиально открытым. Дело правды — значительнее человека, и в от-

ношении к нему человек руководствуется принятием истины как таковой и своим служением ей. Более того, в поиске правды человек выступает не только от своего лица, но и от лица народа.

В отличие от индивида, рода и семьи, народы живут правдой. Понимание ими жизни, её цели и смысла связано не столько с теоретическим пониманием, сколько с практическим. Важным фактором родовой и народной жизни является её устойчивость, и в историю родовой и народной жизни оказываются встроены не только рациональные основания, но и, например, мифы, сказания и многое другое. Путешествуя в 19 веке по России, А. де. Кюстин отмечает, что в России «истина и в физическом, и в нравственном мироустройстве есть совокупность контрастов столь кричащих, что можно вообразить, будто природа и общество только для того и созданы, чтобы скрепить элементы, чуждые друг другу и взаимно друг друга исключющие» (Kustin, 2020: 255). Однако, по мысли Ф. М. Достоевского, «чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своём может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придёт тому срок». Поясняя свою мысль, Достоевский далее отмечает: «Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда зависящее от обстоятельств, предшествующих и переходящих, от рабства, от векового гнёта, от загробелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он всё-таки уцелеет, неповреждённый, в сердце народа» (Dostoevsky, 2025: 517). В основании счастья не может быть заложено несчастье другого человека и несчастье народа, и в этом отношении счастье напрямую связано с «высшей гармонией духа» (Dostoevsky, 2025: 718).

Всё вышесказанное подтверждает то, что поиск истины не может не связываться

с выявлением идей или форм, превышающих содержательную сторону жизни человека и народа, которые могут воспринимать себя не только в своей индивидуальной жизни, но и в непосредственном отождествлении человеком себя – с идеей своего рода и отождествлением народом себя – с идеей своего народа в отличие от других народов. Связь с идеей (формой) ведёт к восприятию человеком и народом единичного содержания своей жизни с всеобщим, соотношением материального, разнородного её состава – с идеальным воплощением, связи имманентности жизни – с трансцендентным. Согласование идей (форм) семьи, рода и народа между собой в сознании человека может быть связано с разными сценариями. Однако важно то, что каждая такая идея позволяет человеку уловить те начала и концы себя, которые реализуются в его жизни, но не могут быть полностью опосредованы отдельными её содержаниями. Важно понимание жизни человека не столько в связи с её отдельными содержаниями, сколько в её осуществлении, в ответе правды народа.

Идея рода и народа питает человека и даёт ему силы превосходения единичности себя. И для такого человека, соотносящего себя и свою жизнь с идеей рода и народа, всё остальное не имеет «вида», а значит, и не существует. Народное и родовое проявляются в личном, тогда как личное – в народном и родовом, в результате чего понимание истины становится контрастно обусловленным. В продвижении по этому пути раскрывается смысл слов В.В. Розанова о том, что «истины нет в тезисах», «истина – в противоречиях» (Rozanov, 2000: 56).

Человек может прийти к истине, но опирается он на то, что предшествует ему самому как некая опора. Так, согласно П.А. Флоренскому, истина связывается с опытом обретения человеком веры, её обоснования и утверждения. Такой верой для Флоренского является православие (Florensky, 1990). В понимании церкви как «столпа и утверждения истины» (The Bible, 2022: 1 Tim. 3:15; Florensky, 1990), по мысли Флоренского, как раз закреплён не индиви-

дуальный, а надиндивидуальный характер истины. В церковном преломлении истина оказывается концентрацией правды, вневременной и внепространственной данностью правды, которую отдельному человеку крайне трудно, если вообще возможно – вне народа – вынести. В каждой попытке опоры индивида на себя мерцает опасность превращения истины в нечто иное, а именно – в неправду. Извращение понимания истины, как церковного и соборного опыта, проявляет себя в утрате абсолютного характера истины, когда отделяющий себя – от общинного опыта – человек начинает верить исключительно себе и в себя, неизбежно связывая истину с собою.

Вера является опорой человека в выявлении им истины и раскрывается в любви к тому, во что веришь и в кого веришь. Любовь же связана с отдаванием: любящий отдаёт себя тому, кого любит и что любит. Согласно В.В. Розанову, «любовь есть нечто, в себе самом заключающее жертвоприношение» (Rozanov, 1995: 440). Поясняя свою мысль, он пишет: «Любовь всегда вспыхивает из контрастов – и физических, и духовных», а «существо контраста таково, что в нём неотнотосящееся, через него завязывающееся в “любовь” – не одинаково, “не равночаство”» (Rozanov, 1995: 442). Словами «вера», «надежда» и «любовь» маркируются разные аспекты внутреннего обретения человеком себя, связанного с его обращением к своей душе. Посредством такого расширения человек становится причастным ко всем аспектам содержания своей жизни и способен быть.

Но если семья, род и народ могут обходиться без истины, без поиска которой не может обойтись отдельный человек, то они не могут обойтись без правды. Родовая и народная жизнь связана с потребностью в горизонте правды и в её поиске. Согласно В.В. Розанову, «правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и бог начинался бы не с правды – он не Бог, и небо – трясина, и солнце – медная посуда» (Rozanov, 2006: 74). Русский народ, по Ф.М. Достоевскому, любит правду «для правды, а не для красоты» (Dostoevsky, 2025:

519). Правда оказывается народной истиной, а также принимает форму семейной истины и родовой истины. Связывая себя с правдой, человек исходит из неё так же, как он исходит из своего родового и народного начала. Народ не может исходить из неправды, хотя и может впадать в ослепление. В.В. Розанов подчёркивает, что «народ глубокой совести, как русский, никогда не захочет сказать неправды», однако «он может не видеть, где правда» (Rozanov, 1994: 359). Ослепление народа оказывается страшной трагедией, однако всегда есть потенциальная возможность его прозрения, даже если оно совершается через глубокие страдания.

Потребность русского человека в правде может раскрываться как потребность в справедливости, в истине и в красоте, но сама потребность в правде каждую из отдельных поисков правды собой превышает. Русскому человеку мало справедливости, ибо ему мало своего существования: ему нужно осуществление, в переживании которого он приобщается к своей целостности. В соотношении себя с идеей народа русский человек обретает народное начало и связывает себя с народной правдой. Именно правда ведёт русского человека, она же приводит к единению людей друг с другом в одном народе при испытании его на прочность. Потребность русского человека в правде и отождествление её поиска с одним из основных настроений народной жизни раскрывают себя в вере. Собственно, народ и становится народом посредством веры и общины, связанной общим культом, когда люди становятся собранными в едином целом. Собранными своим участием в деле целого. Существо «русской правды» раскрывается в способности русского человека на поступок полной траты себя и отдания себя нездешнему делу, когда дело правды принимается таким, как оно есть, без «довеска» любой выгоды.

Правда связана не только с приятием нового образа того, что вдруг стало увиденным в другом свете и тем самым удостоверило видимое как настоящее, но и с отстаиванием самого света, без которого

с правдой не столкнуться. В земной перспективе сфера неприступного света (The Bible, 2022: 1 Tim. 6:16) не может не пониматься искажённой, ибо свет при этом связывается исключительно с земными началами. Согласно мысли Силуана Афонского, «народам по-прежнему преподаётся именно этот ослабленный и рассеянный свет богопознания в бесконечном множестве слов и образов» (Sophrony (Sakharov), 2023: 301). Но принятие и отстаивание правды требует исправления, когда надо сосредоточить внимание на самом принципе того, что видится и как видится. При этом важно обратить внимание на дело исправления того, что есть; если такое «есть» связано именно с земными построениями человека. Дело правды раскрывается как дело исправления человеком оснований своей жизни, когда он начинает видеть и исправлять свою жизнь в другой оптике – оптике правды.

Размышляя о «новом корне» русских людей, «которым *нужна правда*, одна правда без условной лжи, и которые, чтоб достигнуть этой правды, отдадут всё решительно» (Dostoevsky, 2025: 258), Ф.М. Достоевский подчёркивает, что у таких людей «стремление к честности и правде непоколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества» (Dostoevsky, 2025: 569). Согласно Достоевскому, наш народ «никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за неправду», он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: «Я сделал неправду», а «если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена» (Dostoevsky, 2025: 731).

Ориентацией не на справедливость, но на правду, объясняется то, что русский человек может не только терпеть несправедливость, но сам может творить её. Справедливое и несправедливое определяется человеком в параметрах и пределах «своего», того, что относится к нему самому. Разговор о справедливости и несправедливости строится в отношении к определённому и условному, тогда как правда связана с приобщением к крайнему и безусловному.

Народная правда является более приемлемой и значимой, более ясной, нежели правда писанная, и писанная по случаю. Настоящая правда сопоставляется не с данным, но с должным. Измерение справедливости связывается с земным устроением человека, тогда как правда связывает человека с небесным. Так что во всякой определённости правды всегда раскрывается и неопределённость определимого, связанная с переживанием и принятием присутствия в определённом другом, более глубокого и раннего начала. И если опереться на нечто твёрдое и незыблемое в сущем человек не может, он испытывает нужду в соотношении себя с другим и стремлении вложить всего себя во вдруг открывшийся проём другого. В этом – главный закон жизни человека, хотя он может этого и не замечать, то есть, пытаясь удержаться за знакомые ему координаты сущего, не замечать главного.

Идея «русской» правды выявляет себя в перспективе отношения русского человека со своим народом и соответствия себя ему. Отказавшиеся от России люди, теряют свою идентичность вне связи со своим народом. Русскому человеку мало сугубо индивидуальной идентичности. Бытие русского человека выявляет себя в принадлежности к народу, его языку, истории и культуре, если только культура связана с культом и подразумевает его. Русскую мысль можно уподобить мосту, связывающему данное с должным, когда наряду с тем, что привносится мыслью и во что она воплощается, непременно проявляет себя и то, каким это «данное» должно быть. Такая оптика предполагает и содержит в себе возможность изменения и преобразования данного не только в последующем, но уже и в самом данном. Русская жизнь связана с допущением вхождения трансцендентального в состав существующего, благодаря чему последнее оправдывается. И русский человек стремится войти в дело такого оправдания своей жизни, принимая то, что осуществление, а не существование ведёт его по жизни.

Тесная связь правды с должным проявляется и в том, что правды – в отдельном ме-

сте и в отдельное время – может и не быть, точнее – не находиться. Иначе говоря, о правде думают, размышляют и говорят, как о том, что заявляет о себе через неправое, ложное и искривленное. Как пишет В. В. Биbihин в статье «Онтологические основания правды»¹, подделки – «они все указывают на правду, настолько по-разному и с разных сторон, что её очерчивают» (Bibikhin). И здесь сама неприступность правды оказывается важной атрибутивной её характеристикой. Такой онтологический статус правды служит основанием потенциально любого выпрямления человеческой жизни в модусе её существования. Конечно, речь идёт не об оправдании слабостей и падений человека, но о том, что связь его с правдой позволяет ему подняться и преодолевать существующее в осуществлении ввиду своей онтологии, непосредственной связи с правдой.

Основанием правды является человек, а основанием человека – правда. Так что человек становится собой и попадает в своё существо, соотнося себя с правдой. Но если не делает этого, то оказывается в положении отлучённого от своего существа. Правдой невозможно овладеть. Она не может стать «своей», не может быть присвоена. Но как раз это не позволяет правде быть присвоенной человеком, стать одной из жизненных ценностей.

Главное в жизни – связь с бытием – оказывается со всех сторон и во всём определённом прикрыто неглавным и ложным. Но это сохраняет главное в жизни: сохраняет её правду. Человек остро чувствует, что «мысль изречённая есть ложь». Он знает, что в открытости слово, мысль и чувство могут мгновенно переродиться в свою противоположность, когда открытый характер жизни становится закрытым и наглухо запечатанным. Редкое слово и редкая мысль не уничтожает открытый характер жизни и живого в целом. Вероятно, этим объясняется необходимость особых пространств, внутри которых могли бы развиваться чувство, мысль и слово, сохраняющие и привносящие –

¹ Особо следует оговорить, что в указанной статье, размещенной на сайте, страницы текста не пронумерованы.

с собой – открытость. Таковы пространства церквей и соборов, пространства рассказывания мифов, пространства университетских аудиторий, а также текстовые пространства поэзии и философии, в которых действует «мимезис исходной странности» (Bibikhin), способный захватить каждого, кто, оказываясь тронутым тайной открытости, свидетельствует об этом.

Вера и религия выпрямляют человека, позволяя ему преодолевать кривизну своей неправоты и неправды – отказом от них. Религия требует от человека правды, и здесь важно именно требование. «Заметим, что любая, каждая религия настаивает на исполнении закона; религия всегда столп, столб, аминь, утверждение правды против неправды», – отмечает Бибахин и далее поясняет: «В плане требования правды всякая религия, школа благочестия, одна; методы оправдания, догматика тут вторичны» (Bibikhin). При разном понимании искажения правды человеком и масштаба своей связанности его с ней значимы сама нужда в правде и необходимость связать себя с нею, даже если они по-разному понимаются и отдельным человеком, и разными людьми. Религия закрепляет внутреннее отношение человека с правдой.

Связь жизни человека с правдой оказывается неустранимым событием, предопределяющим понимание отдельных содержаний жизни, масштабом и перспективой их понимания. Любое говорение и всякое размышление о правде – более или менее – запутывает понимание соотносённости жизни человека с событием. Корень непонимания правды в том, что она не может быть «взята» человеком и не может быть им «присвоена», как и не может быть пущена им «в оборот» своего существования. Экпликация правды в параметрах дискурса раскрывает правду только с одной её стороны. Такое рассуждение во многом основано на утаивании правды. Но оно же основано и на принятии человеком сокрытого характера правды, на принятии её тайны. О другой стороне правды говорит слово религии, пронизанное верой, и вверенное мысли слово философии. Человек не может – всегда

и везде – выдерживать полноту бытийного характера жизни, вот почему раскрытие бытия – в слове, чувстве и мысли – всегда частично. Но это – только одна сторона дела жизни. Другая же – в том, что каждая такая «частичность» выделяет связанность жизни с бытием и правдой.

Когда мы говорим о правильности или неправильности чего-либо, мы имеем в виду соответствие чего-либо чему-либо. Мы связываем себя, как инстанцию сознания, с соответствием одного – другому. Но, согласно Бибахину, «истина (правда) самой проверки останется при этом скрыта» (Bibikhin). Он же отмечает, что правду оправдывает успех, но не правильность, ведь правда может пониматься и как «неправильная правда» (Bibikhin).

Попутно заметим, что любая значимая для человека антитеза – по типу добро – зло, правда – неправда – проясняет действительное положение дел только частным образом. Но этого мало, и надо попробовать развернуться к правде и к добру как таковым: к абсолютной правде и к абсолютному добру. Для этого надо снять границы определённой правды и определённого добра, давая мысли погрузиться в глубину и в полноту добра. Важна не только и не столько связь тезиса и антитезиса, сколько погружение в тезис как начало мысли. Правда оказывается основанием человека и его жизни, если он вверяет себя ей: вверяет – правде – всего себя без исключения.

Жизнь связана с событием и только в отношении к нему и в связи с ним она оказывается успешной. Критерий события – безусловен, и сама трудность соотносения жизни с событием показательна: такая трудность только и позволяет жизни состояться и быть. Это позволяет говорить и думать о событийной состоятельности жизни. Как отмечает Бибахин, «трудно уловимый успех оказывается вплотную со всех сторон окружён очевидным неуспехом» (Bibikhin). В деле поддержания внутренней связи своей жизни и жизни в целом – событием – от человека требуется труд.

Событие, если оно остаётся событием и не сводится к чему-то другому, всегда од-

ной своей стороною уходит в тайну. Событие должно сохранять свою прямую связь с открытой стороной границы (Spenser-Brown, 1969; Sergeev, 2024). В противном случае событие понимается в извращённом состоянии: понимается метрически, т.е. как дата, как план, как изложенное и ещё как-то. При этом в событии исчезает глубина, и оно понимается плоским. События привносят с собой новое, давая человеку энергию и воодушевляя его. От них человек загорается, светится, наливается теплом полноты. В нём выгорает всё старое и костное.

Участь человека связана с тем, чтобы быть внутри противоречия обратимости того, что кажется, и того, что оказывается, когда «кажется» – это одно, а «оказывается» – другое. Но ничего не открывается, если человек в этом не участвует. Будучи живым и пребывая в мире, человек имеет отношение ко всему и во всём участвует. Так что его участь связана с его непосредственным участием в деле бытия и противодействия небытию. «Удача бытия», когда она случается, всегда оттесняет небытие. Любой – пусть и маленький – успех бытия есть отодвигание небытия (Bibikhin). В этом и состоит значение связи человека с правдой.

В метрике правды не найти. Метрическое должно смениться топикой. По замечанию Бибихина, «геометрическими неувязками даёт о себе знать взрывная сила правды», тогда как *правда* «причастна прямо метрического пространства, но так же явно выходит из него» (Bibikhin). Правду нужно искать не в метрике, не в пространстве, а значит, не в отстранении и отдалении от себя, но в тождестве с собой и преодолении пространства.

Выход к правде напрямую связан с отказом от судейства над жизнью и от судьбы в себе, которым является сознание. Сознание неизбежно интерпретирует странность и отдельность человека от себя. И делает это на своих основаниях, устанавливая и удерживая разницу между сознанием и создаваемым. На этом строится возможность контролировать и анализировать,

прогнозировать и проектировать. Связав себя с метрикой и привязавшись к ней, человек не может выйти к правде, ибо отстранён от себя: отстранён метрикой, пространством и временем, отстранён сознанием. Человек не может слиться с собой, если опирается на сознание. Оно мешает ему попасть в себя. Каждый раз, когда человек отталкивается от сознания, он раздвигается между тем, что порождено его сознанием и с ним связано.

У метрики основанием является искусственное; то, что исходит от разума и отделено от правды. То, что исчисляется, лишено самостояния и феноменальности. Исчисляемо то, что воспринимается одинаковым. Множество возможно, если подразумевается отсутствие уникального. Строгость и точность возможны только в законченных (закрытых) системах, а жизнь таковой не является (Bibikhin; Sergeev, 2022; Sergeev, 2024). Жизнь – это не закрытая система. Поэтому риск и проблематичность оказываются определяющими характеристиками живого во всяком месте жизни и в любое её время. Увидеть и понять это мешает привычка. Она же – анестетик, посредством которого человек защищается от открытого характера жизни. По сути же, человеку всегда приходится поступать, даже если он не готов думать об этом. Привычка, маскируя открытое положение человека в мире, позволяет расслабиться, а то и вовсе не собираться. Дело правды – в таком случае – отодвигается. Правда оказывается закрыта пеленой привычки, а сущее сведено к существованию.

Человек нуждается в правде, но сама правда не является следствием жизни: она ей предшествует. Правда входит в жизнь, но другой – открытый – конец правды связан с началом жизни. Топика русской жизни напрямую соотнесена с культурой, в первую очередь – с культом, с религией, с православием, когда скрепляет всё именно правда. Нужда в правде, поиски правды, служение правде, как и оправдание самой жизни человека, рода и народа, оказываются разными феноменальными срезами русского бытия. Это показывает, что прав-

да является вертикальным – смысловым – сечением, пронизывающим горизонталь существования русской жизни. Топика нашей – русской – жизни такова, что всё име-

ет отношение к правде. Вся русская жизнь, её пространство и время могут пониматься в отсвете правды, оптика которой и выявляет русское, отличая его от остального.

Список литературы / References

The Bible. Bibliya. Kniga Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta [The Bible. The Book of Holy Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2022, 1376.

Bateson G. and Bateson M. K. *Angely strashatsya* [Angels Fear. Translated from English by D. Ya. Fedotov]. M., 2019, 350.

Bibikhin V. V. *Ontologicheskie osnovaniya pravdy* [The Ontological Foundations of Truth]. Access mode: http://bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_prawdy#b4286

Dostoevsky F. M. *Dnevnik pisatelya* [Writer's Diary]. SPb, 2025, 796.

Kustin A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839. Translated from French by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Milchina, and I. Staf]. M., 2020, 1056. + incl. (16).

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Mimolyotnoe* [Collected Works. Fleeting]. M., 1994, 541.

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisatelyah* [Collected Works. On Writing and Writers. Edited by A. N. Nikol'yukin]. M., 1995, 734.

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Poslednie list'ya* [Collected Works. The Last Leaves. / Edited by A. N. Nikol'yukin]. M., 2000, 382.

Rozanov V. V. *Uedinyonnoe; Opavshie list'ya. Korob pervyy; Opavshie list'ya. Korob vtoroj i poslednij: Trilogiya* [Secluded; Fallen Leaves. Box One; Fallen Leaves. Boxes Two and Last: A Trilogy. Introduction and Commentary by A. N. Nikol'yukin]. M., 2006, 576.

Sergeev A. M. *Nachala i koncy* [Beginnings and Ends]. SPb., 2022, 295.

Sergeev A. M. *Svoye i drugoe* [Own and Other]. SPb., 2024, 265.

Sophrony (Sakharov), Schema-Archimandrite. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [St. Silouan of Athos.–4th ed]. STSL, 2023, 535.

Chaadaev P. Ya. *Otryvki i raznye mysli* [Fragments and Various Thoughts. Chaadaev, P. Ya. Complete Works and Selected Letters. Vol. 1]. M., 1991, 441–511.

Florensky P. A. *Pamyati Feodora Dmitrievicha Samarina* [In Memory of Feodor Dmitrievich Samarina. Pavel Florensky, priest. Works in Four Volumes. Vol. 2]. M., 1996, 337–345.

Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [The Pillar and the Establishment of Truth. Florensky, P. A. Works in 2 Volumes. Vol. 1, Part 1, Vol. 1, Part 2]. M., 1990, 839.

Spenser-Brown G. *Laws of Form*. Allen and Unwin, London, 1969, 141.